

УДК 2

Церковные кануны: утраченная традиция

А. П. Санников

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена анализу церковных канунов в конце XVII–XVIII вв., а также действий духовных и гражданских властей, которые привели к утрате этой традиции.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, епархиальные власти, храмовые праздники, церковные кануны, канунное пиво, приходская община, трапезники.

В истории формирования сибирского социума огромное значение имеют XVII–XVIII в. В этот период меняется национальный и конфессиональный состав жителей, происходят социальные, политические, этнологические, культурно-образовательные, религиозные и др. процессы, формируется самосознание сибиряков. Неуклонно растет доля русского и других восточнославянских народов. В начале XVIII в. в Восточной Сибири они уже составляют около 40 % всего населения [5, с. 11].

Русские поселенцы привнесли в Сибирь не только свои знания, умения и навыки, но и культуру и традиции. Большинство традиций русского народа так или иначе было связано с православием. Одни из них прочно укоренились в сибирском обществе. Другие – по различным причинам оказались утраченными. Одной из таких традиций, утраченных православным населением Сибири в XVIII в. под давлением духовных и гражданских властей, стало празднование канунов – местных церковных праздников, посвященных памятным событиям, или дням, предшествовавшим главным православным праздникам.

В Восточной Сибири, как свидетельствуют официальные документы, кануны чаще всего устраивались по поводу храмовых праздников, реже по просьбе прихожан. Для их проведения изготавливалось «канунное пиво», которое выпивалось верующими, а определенная часть продавалась в приходе. Многие кануны готовились к приходскому сходу.

Впервые об изготовлении канунного пива в Восточной Сибири упоминалось в грамоте тобольского митрополита Игнатия, направленной 12 мая 1693 г. заказчику по Даурской десятина игумену Мисаилу: «А буде кому случитца канунного пива сварить к празднику или к родинам или к крестинам или на свадьбу и тебе б игумену давать о том памяти, чтоб они варили не по большому месту, и выпили вскоре с тихостию, и церкви Божии снабдевали» [6, с. 47]. Таким образом, церковные власти фиксировали распространение канунов в крае и рассматривали их не только как приходские праздники, но и как источник пополнения церковной казны.

Празднование канунов, на примере Красноярска, наиболее точно описал Д. Г. Мессершмидт: «Когда выпадает день известного святого и церковь такого святого святит, то от его имени, как решает глава церкви или староста, варят пиво. Рано утром останавливают они в церкви свое обычное богослужение и звонят после этого в этой церкви во все колокола. Собираются те, кто приписан к этой церкви, и икону святого берут со своего обычного места, ставят на стул посередине церкви. Перед ним ставят несколько горящих свечей и маленькое блюдо, а недалеко от него 1–2 или больше бочек пива. Кто только имеет желание и усмотрение пить за него или попробовать тот кладет на маленькое блюдо, по возможности, 1–2 алтына, кто беден – только копейку, ибо это не такса, а для этого святого. Тогда может каждый пить в церкви по желанию и не выходить раньше, чем кончится пиво. При этом гости не обходятся без ссор и драк, а многие не идут домой, потому что их нужно тащить» [3, с. 97–98].

Местом проведения торжеств традиционно служила трапезная. Она строилась вместе с приходской церковью и зачастую по своим размерам превосходила храм. Трапезная также могла служить волостным правлением, местом, где объявлялись царские указы, в ней заключались договоры или оговаривались подряды, собирались перед службой верующие. Здесь же проводились праздники, посвященные рождению детей, свадьбы, поминания умерших прихожан. Для смотрения за трапезною в ряде приходо́в нанимали особого служителя – трапезника. Трапезника избирали на год, в дальнейшем его полномочия могли подтверждаться неоднократно. В состав обязательного инвентаря, имевшегося при трапезной, включался пивной котел. В первой трети XVIII в., согласно сохранившимся описям имущества церковей Прибайкалья, пивной котел имелся в 85 % приходских храмов.

О том, как организовывались кануны, можно судить по показаниям церковного старосты Бельского острога Сретенской церкви Андрея Уварова от 24 января 1732 г.: «Купил де я в оном бельском остроге избу старую квасную для совету того острога жителей и для пития когда сваритца канун по приговору всех того острога обывателей и священника... а варил я с петрова дня три кануна и продавал в ушаты в ведра и как можно» [1, л. 2об.].

Другой церковный староста этого острога Яков Скрябиков «к Сретению-ву дни на канун хлеб и солод мирской збирал и на мельнице у Ильи Курдюкова молот, называл сретенским, хмель купил в Иркутску и прислал з белским посадским Иваном Кривошеиным полтора пуда сретенской казной» [1, л. 8–8об.]. Таким образом, подготовка к кануну становилась делом приходской общины и велась на средства церковной казны.

В дальнейшем в Бельском остроге варку канунов запретили. Церковный староста Яков Скрябиков быстро сообразил, какой доход может принести варка пива. Воспользовавшись церковной казной, он в 1731 г. выкупил с публичного торго́ в иркутской ратуше право пивной продажи. При этом он воспользовался и церковными припасами: «кануна не варил, сварил после праздника, когда возымел квасной откуп и продавал, а за то казны не объявил» [1, л. 8об.-9]. Желая устранить конкурентов в лице приходской общины, он уничтожил все оборудование для выварки пива, имевшееся при церкви: «Сын ево на тчане гушу заморозил и в корыте квас, а после все испереломал

без остатку и от того казне [церковной – А. С.] учинил немалое неустроение» [1, л. 9]. В довершении всего Скрябиков добился от иркутской ратуши указа, запрещающего варить кануны в Бельском остроге. Архиерейский приказ, под давлением ратуши, подтвердил этот запрет.

С конца 20-х гг. XVIII в. епархиальные власти Сибири, опираясь на позицию Синода начали наступление против канунных праздников. Запреты канунов проводились в Сибири повсеместно. В Западной Сибири, запрещая празднования канунов, правительство, по мнению М. М. Громыко, преследовало несанкционированные собрания крестьян: «Преследованиям подвергались именно коллективные сборища, происходившие по инициативе крестьян и не укладывавшиеся в официально признанные функции общины» [4, с. 97–98]. В Восточной Сибири к этому добавились интересы винных откупщиков. При возникавших разногласиях между ними и приходской общиной государство всегда оставалось на стороне винных откупщиков, отстаивая, прежде всего, интересы казны. Зачастую винные откупщики оказывали своеобразное давление не только на магистрат, но и епархиальные власти, жертвуя значительные суммы «на церковное устройство». Необходимо признать, что подобные жертвования сыграли определенную роль в ходе церковного строительства.

Одновременно с запретом канунов, церковные власти вывели за штат храмовой обслуги трапезников. Эту должность объявили не обязательной, при храме оставались только сторож и просфорня. Содержать трапезника или отказаться от него решала община. Иногда вытеснение трапезников сопровождалось применением грубой силы со стороны клира. Наиболее неприглядно это произошло в приходе Качугской Николаевской церкви. В жалобе трапезника Василия Шергина церковному старосте Григорию Мальцову сообщалось: «Будучи я поизбранник мирской при той церкви трапезником февраля с 1 числа с 1795 года в один год то есть до того ж февраля 1 числа 1796 г. а сего ноября 26 числа будучи в той церкви пришедши во оную священник Иван Уваровский где в церкви бил меня безчеловечно и смертно и своих рук локтем и ногами и коленками если б не прилучился в то время иркутской цеховой Иван Литвинов то б он битием меня лишил и жизни от которые побои не могу служить при оной церкви и опасением жизни того ради бы старосту прихожанским объявляю и прошу особо о защите» [2, л. 122]. Епархиальные власти не придали случившемуся особого значения, выразив косвенным образом поддержку священнику, поэтому трапезнику оставалось только обращаться к церковному старосте и у него просить защиты.

После отмены празднования канунов эта должность вообще оказалась ненужной и значительная часть приходских общин больше трапезников не избирала. В результате в конце XVIII в. в 75 % приходов Прибайкалья трапезники вообще не упоминаются.

Однако сломать старые традиции одними распоряжениями епархиальных архиереев не удалось. Празднование канунов в приходах продолжалось, но уже неофициально. Опасаясь утратить контроль за канунными праздниками, церковная администрация изменила тактику, от запретов они перешли к их регламентации. Так, в 1736 г. в Иркутской епархии разослали указы, предписывавшие «не варить канунных пив без позволения Его Преосвященства, а когда случитца какой храмовый праздник для какой нужды сварить, то б тре-

бовать писменно позволения» [7, с. 133]. Тем самым Иннокентий Нерунович поставил празднование канунов под свой личный контроль. Более 15 лет такие разрешения приходским общинам выдавались. Окончательно празднование канунов в Иркутской епархии было запрещено в 1750 г. под давлением иркутского магистрата [7, с. 133]. Однако в ряде мест Прибайкалья, особенно в Киренском духовном правлении, эта традиция сохранялась до конца XVIII в.

Результаты запрета празднования канунов не заставили себя долго ждать. Как отмечала в своем исследовании Н. Д. Зольникова «приходская община потеряла не просто право на организацию «своих» храмовых праздников, уходило из приходской жизни одно из основных звеньев, скреплявших приходскую общность. Кануны являлись не просто местным праздником, они объединяли верующих, вносили неофициальный дух в религиозное общение, дополняли традиционные формы приходской жизни» [7, с. 134–135]. С запретом празднования канунов епархиальные власти перевели религиозное общение в жестко очерченные рамки, определявшиеся канонами и законодательными актами.

1. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 4.

2. ГАИО. Ф. 147. Оп. 1.

3. Город у Красного Яра: документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв. Красноярск, 1981.

4. Громыко М. М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977.

5. Дулов А. В. Эволюция верований народов Восточной Сибири в XVII – начале XX веков // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX вв.: развитие и взаимодействие. Иркутск, 2005.

6. Древние церковные акты Восточно-Сибирского края. Казань, 1875.

7. Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990.

Ecclesiastical Eves: Lost Tradition

Sannikov A. P.

Irkutsk State University, Irkutsk

The article examines ecclesiastical eves of the late XVIIth –XVIIIth c. Besides it considers the activity of ecclesiastical and civil authorities that lead to the loss of this tradition.

Key words: Eastern Siberia, eparchial authorities, patronal feasts, ecclesiastical eves, eve beer, parochial community, refectorians.

Санников Александр Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, тел. 8(3952)240522, e-mail: aps.72@mail.ru

Sannikov Aleksandr Pavlovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Chkalov St., 2, phone 8(3952)240522, e-mail: aps.72@mail.ru